

Пѣсня о слѣпыхъ.

М. Горькаго.

Какъ-то разъ лѣтнимъ вечеромъ, бродя по окраинамъ города, по кривымъ, узкимъ улицамъ, среди маленькихъ домиковъ, полу-сгнившихъ отъ старости, я заглянулъ въ открытую дверь кабака и удивился, что въ немъ много людей, но сидятъ они тихо.

Оглянулъ я кабакъ,—маленькую комнату съ кривымъ поломъ и провисшимъ потолкомъ,—въ полутьмѣ разглядѣлъ взломаченныя головы, ситцевыя рубахи безъ поясовъ, ноги босыя и въ опоркахъ и увидѣлъ, что въ углу около столика тѣсною кучкой сидятъ пять или шесть человѣкъ. Кто-то изъ нихъ густымъ, хриплымъ голосомъ говорилъ:

— А то есть въ моей сторонѣ тополь-дереве, не такой, что у васъ, а прямой, якъ съ ча передъ образомъ...

Я шагнулъ черезъ порогъ,—человѣка два мелькомъ взглянули на меня и молча отвогитались въ ту сторону, откуда раздавался голосъ. Старикъ кабатчикъ, сидѣвшій за стойкой, безшумно всталъ навстрѣчу мнѣ; я негромко спросилъ у него бутылку пива...

— Все иншее въ моей сторонѣ, все милое... только бѣдность такая жъ, якъ здѣсь...

— Она вездѣ одинакова... сказалъ кто-то другимъ голосомъ.

Сидя подъ окномъ у стола, я разсматривалъ людей и, черезъ головы ихъ, лицо того, кто говорилъ о тополяхъ. Я тоже люблю тополя,—они такъ прямо и гордо поднимаются къ небу.

О нихъ говорила женщина. Она была немнѣжко выпивши; ея толстыя губы улыба-лись блаженной и грустной улыбкой чело-вѣка, вспомнившего хорошее. Большая, полная, она тяжело навалилась грудью на столъ и, закрывъ глаза, говорила, печально покачивая головой.

— Нигдѣ не хорошо чело-вѣку, якъ на родинѣ...

— Бѣдному—гдѣ хлѣбъ, тамъ и родина... в овъ сказалъ кто-то тонкимъ голосомъ.

Человѣкъ, сидѣвшій противъ женщины, и лиль рюмку водки и подвинулъ къ ней...

— Выпей...

Человѣкъ этотъ былъ высокій, худой, въ шапкѣ черныхъ волосъ на головѣ, въ рваной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ. Глаза у него были большіе. Онъ безпокойно вра-щаль ими во всѣ стороны и все погла-

живалъ свою бороду, черную, густую, растрепанную. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ ко-ренастый рыжій парень съ солдатскими усами, съ ремнемъ на голъ вѣ,—должно быть, пекаръ. Третьимъ противъ женщины сидѣлъ знакомый мнѣ жестянщикъ Ньюшка. Онъ былъ сильно пьянъ и дремалъ, глядя на жен-щину тупыми глазами, съвозъ рѣсницы, тяжело опустившіяся на его мутныя врачки. Иногда онъ открывалъ ротъ, какъ засыпаю-щая рыба, и бормоталъ:

— Х-хохлуша... пой! Ну... пой!

Остальные люди—человѣкъ шесть,—какъ-то расплывались въ полутьмѣ и облакахъ табачнаго дыма. Всѣ они сидѣли неподвижно, молча пили водку и пиво; лишь порой кто-нибудь изъ нихъ бросалъ въ воздухъ слово, и оно тихо, малой птичкой, перелетало изъ одного угла комнаты въ другой.

— Пйдешь на ярморокъ—слипцы поютъ! разсказывала женщина.—Хорошо слушать ихъ! Хрошо...

Противъ меня у другого окна за столомъ сидѣлъ чело-вѣкъ, лицомъ похожій на діакона. Длинные волосы падали ему на плечи и сутую спину, клочковатая рыжая борода осыпала грудь широкимъ вѣромъ. Въ масѣ волосъ лицо его казалось уродливо малень-кимъ. На немъ былъ надѣтъ черный сюр-тукъ, весь измятый, и крахмаленная рубаха, тоже смятая и вся въ патнахъ. Изъ-подъ бороды высовывался конецъ развязавшагося галстуха. Его лѣвый глазъ затекъ синеватой опухолью, а правымъ онъ неподвижно смот-рѣлъ на женщину.

— Я былъ тамъ!—вдругъ сказалъ онъ глухимъ, рыкающимъ голосомъ и ударилъ ладонью огромной руки по столу. Всѣ обер-нулись, и женщина, приподнявъ голову, вытнула шею къ нему.

— Былъ въ Кіевѣ... Бѣлой Церкви... и еще во многихъ городахъ... имена ихъ уже не помню теперь. Все, о чемъ ты говоришь, видѣлъ я, зналъ. Днѣпръ... Гой ты, Днѣпръ ли мой широкій! Это я пѣлъ, когда былъ въ оперномъ хору.

Голосъ его наполнялъ кабакъ подземнымъ рокотомъ, властно вторгался въ грудь вмѣ-стѣ съ воздухомъ, и въ груди у меня стало тяжело отъ этого угрюмаго и безнадежнаго звука.

— Садись ко мнѣ, женщина, я тебя угощу вомъ...

Черный и худой чело-вѣкъ всталъ и за-явилъ:

— Нельзя! Я угощаю...

— Ну, все равно. Ты или я—все равно...

— П-пой, хохлуша! застоналъ жестян-щикъ.

Женщина ласково взглянула на чело-вѣка съ подбитымъ глазомъ и сказала:

— Коли вы были тамъ, то знаете...

— Сердце глупаго подобно разбитому сосуду и не удержитъ въ себѣ никакого знанія, женщина... Это говорить Іасуецъ, сынъ Сираховъ... Можешь ты пѣть? Я тебѣ дамъ двугривенный.

Онъ тяжело завозился, отыскивая рукой карманъ въ брюкахъ.

— Заплатить! безъ вась!—съ прирѣвнемъ и обидой крикнулъ черный чело-вѣкъ съ без-покойными глазами.

— Все равно! Все—все равно... Ты, я, она... мы всѣ, какъ пометъ осла въ пустынѣ, по дорогѣ къ Іерусалиму...

Рыжій мужикъ съ угрозой взглянулъ на философа, вынулъ изъ кармана кисеть и трихнулъ имъ въ воздухъ. Звякнули деньги.

— Видаль? спросилъ рыжій и снова засу-нулъ кисеть въ карманъ.

Женщина закрыла глаза и, качнувъ, го-ловой, заговорила:

— Ось, теперъ якъ предъ очима воны... Сидятъ на земли, близъ дорози, а сонечко пече имъ головы, и витеръ осыпаетъ пылью...

— Такъ. Помню! точно молотомъ уда-рилъ, сказалъ чело-вѣкъ съ подбитымъ гла-зомъ.

— Кругомъ стоятъ люды тыномъ... И по-ютъ вочы, ти слипенькіе...

Изъ большой груди женщины вырвался густой, дрожащій звукъ:

Ма-а-ти-и-нко!..

— Такъ! равннулъ бывшій оперный хо-растъ, снова ударяя рукой по' столу.

— Поввольте вамъ сказать—не мѣшайте! съ раздраженіемъ крикнулъ черный муж-чина.—Я самъ пѣвецъ. И хоть голосъ у ме-ня не бычій, какъ у васъ, ну—постоять за себя могу во всякое время...

— Дуракъ! густо сказалъ чело-вѣкъ съ бычьимъ голосомъ.—Что ты сердиться? Раз-вѣ не знаешь: рѣчь глупаго, какъ бремя въ пути, и въ устахъ глухыхъ—сердце ихъ...

Рыжій уже перемигивался со своимъ то-варищемъ, толкалъ его локтемъ въ бокъ и засучивалъ рукава рубахи, а черный и худой чело-вѣкъ стиснулъ зубы и сжалъ кулаки. Но изъ угла раздался чей-то тонкій го-лосъ:

— Если вы, господинъ, чело-вѣкъ ученый, то не мѣшайте людямъ имѣть удовольствие... Говорите хорошія слова и ругаетесь... не подобаетъ!

Женщина открыла глаза, вздохнула и вновь закрыла их. Потом, закинув голову и положив одну руку на грудь себя, она зашла голосом низким и сильным, как рев большой медной трубы.

Ой, да пожа-алйте бидныхъ сплпенныхъ...

Во не може-емо мы ро-обити-и...
Во не ви-идать на-аши оченьки...

Все люди в кабаке успокоились. Черный человек сел и стал помакивать рукой в такт одной мелодии. Лицо рыжого стало серьезным. Он важно оглянулся и, подняв кверху палец, прошипел:

— Ш-ш-ш-ш...

Но в этом не было надобности. Все сидело неподвижно, как сидят драхлые старики, грясь на солнышке. Человек в скюртуке вытянул шею, подставил ухо под голос женщины и замер, внимательно слушая. Один глаз его в сумрак казался мне огромным и черным, как погасший уголь, а другой был маленький и блестял напряженно и живо.

О-ой, не ви-идать свѣту Во-о-о-го...

О-ой, не ви-идать ясна со-о-очка...

По-о-жалі-йте бидныхъ сли-ащивки-и-ихъ...

Мотив пѣсни былъ однообразенъ, какъ рыданіе. Въ немъ, можетъ быть, были только двѣ ноты, только двѣ. Онъ расплался въ мелодію, какъ зубы на длинной желѣзной пилѣ, но отъ ихъ однообразнаго движенія рождалась музыка, рѣзавшая сердце острой скорбью.

Пожа-алйте, люди Во-о-жи-и...

Въ звукахъ пѣсни было заключено невыносимое страданіе человека, который хочет видѣть солнце—и не можетъ, и горько стонетъ, безнадежно качая головой.

Ой, ку-уда идемъ, не ви-идимо о-о-о...

Голосъ женщины хорошо передавалъ мучительный ревъ человека, плѣннннаго тьмой. Слова въ ея пѣнн казались круглыми, они болѣзненно дрожали отъ напряженія выражать силу и боль того чувства, которое владало въ нихъ... Въ кабаке было тихо. Густой голосъ женщины наполнилъ собой всю комнату, какъ смолой обливалъ всѣхъ людей, сидѣвшихъ въ кабаке, и широкой, дрожащей струей текъ въ открытую дверь на улицу.

Я смотрѣлъ на поникшія головы людей, на ихъ фигуры, охваченныя пѣсней и сумракомъ, и въ око, на небо. Солнце зашло, и небо на западѣ рѣло алыми цвѣтами. Въ пламени заката таяла маленькая туча странныхъ очертаній, похожая на огромную птицу

съ распростертыми крыльями. На пурпуровой завѣсѣ горизонта четко рисовались черныя деревья, и туча, похожая на птицу, какъ бы опускалась къ ихъ вѣтвямъ. Въ полѣ было тихо и пустынно. Только прозрачныя тѣни ползли по землѣ, невидимо являясь справа и слева отъ солнца, глубоко ушедшаго въ землю. Глухой дрожащій голосъ женщины наполнял меня, какъ вода сосудъ, и, кажется, все другіе чувствовали себя тоже полными рыдающихъ звуковъ. Все сидело неподвижно. Все молчали. Только однажды раздался хриплый голосъ пьянаго Нюши:

— За-ачѣмъ она воетъ?

Но онъ утонулъ въ пѣнн, какъ камень въ глубокомъ ручьѣ, гдѣ даже звукъ паденія его былъ еле слышенъ.

Ой, свя-атая Ма-ати Вожа-ая.

Ой, за-а что-ты на-аказала-а на-асъ?

Пѣла женщина, кивая головой въ тактъ своей пѣснн. Она какъ бы молилась и такъ шевелила пальцами руки своей, прижатой къ груди, точно касалась ими невидимыхъ людямъ струнъ, туго натянутыхъ въ сердцѣ ея.

Я видѣлъ, какъ рыжій мужикъ съ ремнемъ на головѣ протянулъ руку къ женщине и положилъ передъ нею большой пятакъ. Положилъ и—перекрестился.

Не открывая глазъ, женщина нащупала рукой монету, взяла ее въ пальцы, тихонько стукнула ею по столу и снова положила на прежнее мѣсто. Рыжій вздохнулъ, пошевелился и вновь низко опустилъ голову.

Сумракъ въ кабаке все росъ, росла и сила звуковъ пѣсни о слѣпыхъ. Во мнѣ эта пѣсня будила странное, большое и жуткое чувство. Было мнѣ жалко всѣхъ,—и слѣпыхъ, и зрячихъ, и самого себя, за все то, что я видѣлъ въ жизни моей. Хотѣлось тоже пѣть о чемъ то и глядя въ небо на багровый отблескъ ушедшаго отъ земли солнца, я думалъ съ боязнью—взойдетъ ли?.. И еще другія, тоже странныя мысли рождались въ головѣ. Казалось, что это невыразимо грустное пѣніе дрожало въ тѣлѣ моемъ, и ничего я не слышалъ, кромѣ его, точно оно охватило собою все вокругъ и звучало, какъ плачь всѣхъ дѣтей въ кабаке.

Вотъ къ голосу женщины сталъ примѣшиваться другой, еще болѣе глухой, чѣмъ ея голосъ. Онъ пѣлъ громко, безъ словъ, одними звуками и былъ похожъ на отдаленное рычаніе грома. Низкій, октавный—онъ разстилался въ воздухѣ бархатной полосой, отъ него дрожали стекла въ окнахъ; слова,

которыя выпѣвала женщина, опирались на него, росли на немъ, и онъ былъ имъ какъ почва. Теперь уже точно двѣ триво гудѣли въ воздухѣ, одна, большая, давила фонъ для мелодіи, другая, меньше, выносила мелодію угрюмымъ плачемъ, своимъ ными словами. И въ самой бѣдности и невѣжествѣ пѣсни было что то странно грустное до боли сжимающее душу скорбью.

Слипы о-очи, и душа сли-аща-а...

Ой, и слезъ нѣтъ, чтобы пла-а-кати...

— О-о-о! гудѣло въ воздухѣ мрачно.

Это пѣлъ человекъ съ подбитымъ зомъ, тотъ длинноволосый. Онъ согнулся на стулѣ, вытянулъ шею къ женщине, волосы упали ему на щеки, осыпали лицо и сырли его. Конецъ галстука тался въ воздухѣ, точно на шеѣ этого человека была надѣта петля.

По-о-жалі-йте, люди до-обрые...

Раздавалось жалобно въ кабаке.

— Будетъ! кривнулъ черный мужикъ ударивъ кулакомъ по столу.

— Молчать! рыкающимъ голосомъ вилъ ему человекъ съ подбитымъ глазомъ.

Женщина, должно быть, не слышала двухъ криковъ. Не открывая глазъ, все перебирала пальцами на груди и на головѣ и пѣла:

По-о-о-ти-ть, кто въ Вога ви-ируе...

— О-о-о! вторило ей эхо.

Я всталъ съ мѣста, кинулъ деньги на пиво и ушелъ скорыми шагами изъ кабака гдѣ было уже совсѣмъ темно и гдѣ душно мнѣ было,—на улицу и вдоль по ней о поле, гдѣ еще не угасли отблески заката. Было тихо...

Жадно глотая прохладный воздухъ, шелъ, дышалъ и смотрѣлъ въ небо, ожидая первыхъ звѣздъ.

Въ тѣ предо мной широкая прямая дорога вдалъ; на закатѣ солнца; по сторонамъ неподвижно стоятъ старыя печальныя березы и точно прислушиваются къ чему то; ни одна вѣтка не дрогнетъ на нихъ. Ночная птица безшумно пронеслась въ воздухѣ. Черная, она явилась такъ же незамѣтно, какъ являются въ душѣ воспоминанія, и исчезла въ сумрачной дали.

Я шелъ все дальше, предо мною тихо гасла зоря, и въ груди моей глухимъ эхомъ звучало:

Слипы о-очи, и душа-а слипа-а...

По-о-моги-ить, кто въ Вога вирус-е...

(Журн. для всѣхъ)